

Взметнувшись в воздух, он приземлился на конёк крыши, оперся левой рукой, склонившись на конёк, и, глядя на множество звёзд, протянул правую руку — и бутылка «Смеха Императора» оказалась в его ладони. Лань Вань также стоял прямо на коньке крыши, передал «Смех Императора» Вэй Усяню и, сев рядом с ним, наблюдал, как тот отхлёбнул вина, сказав:

— Твоя душа нестабильна, не стоит пить слишком много.

— Знаю, Лань Чжань. Помнишь ли ты ту ночь на крыше Нечистой Юдоли, когда ты обещал помочь мне?

— Конечно помню. Ты не хотел.

— Лань Чжань, я помню, как перед охотой на горе Байфэн я спросил у старшей сестры, почему один человек влюбляется в другого? Тогда я уже знал, что влюбился в кого-то, но не хотел, чтобы его репутация, сияющая как свет, пострадала из-за меня. Я мог идти по этой узкой тропе в одиночестве. Но такой человек, как он, подобный орхидее и дереву, должен быть как луна, висящая высоко в небе, почитаемая всеми. Но я не знал, что он окажется таким упрямым — получит десять ударов плетью, десять лет Расспросов Духа, с ранами на теле и в сердце. Лань Чжань, я всегда хотел, всегда любил тебя. Но я никогда не смел думать или говорить об этом.

— Вэй Ин, я тоже! Впредь мы пойдём вместе.

— Хорошо, мы вместе. Вспоминая те времена, как же одиноко было. Но, к счастью, ты был рядом, и за эти восемнадцать лет ничего не изменилось.

— Да. Я всегда был здесь.

— Лань Чжань, как ты думаешь, какой он, Император Подземного мира? Хотя он потерял божественную кость, его душа рассеялась, но он оставил нам больше, чем мы могли представить. У меня есть чувство, что он предвидел события через тысячу лет. Поэтому в битве с Владыкой Демонов у нас всё ещё есть шанс на победу.

— Да. Сделаем всё возможное, чтобы не стыдиться самих себя.

— Лань Чжань, устал. Пойдём спать в Цзинши!

— Хорошо!

Вспомнив, как они в последний раз спали вместе, ту сцену, полную неги, сердце его наполнилось ожиданием, а уши покраснели.

В Цзинши, обмениваясь поцелуями, их дыхание становилось всё более прерывистым. Вкусив сладость, Вэй Усянь полностью расслабился, отдав себя полностью.

Распахнутая одежда, розовый оттенок в глазах, похожих на персиковые цветы, лёгкая улыбка и прерывистое дыхание, полное страсти, заставили его забыть о всякой сдержанности и элегантности. Он хотел только полностью обладать им.

После того как облака рассеялись и дождь прекратился, Вэй Усянь был крепко обнят Лань Ванем. Он с досадой думал: «Я ведь основатель Тёмного Пути, великий мастер. Как же я оказался полностью подчинён этим маленьким педантом? Хотя, кроме того что это немного стыдно, всё остальное не так уж и плохо».

Лань Вань, повернувшись на бок, обнял Вэй Усяня, одной рукой массируя его ноющую поясницу. Взгляд его был полон нежности. Он мягко поцеловал его в лоб и спросил:

— Вэй Ин, о чём ты думаешь?

— Лань Чжань, ты такой сдержанный и элегантный, почему в постели ты так... жесток? Раньше это я всегда дразнил тебя, а ты тайно злился. Почему за эти десять с лишним лет ты будто сменился, стал другим человеком?

— Из-за тебя, Вэй Ин...

Только став сильнее, я смогу защитить тебя!

— Лань Чжань, я помню, как в пещере Сюань, когда я пытался снять с тебя одежду, ты так разозлился, что чуть не выплюнул кровь. Ты тогда был как обиженная девушка. А сейчас так редко вижу такого застенчивого Лань Чжана, как же я скучаю по тому времени!

Не выдержав, он наконец повернул его и крепко поцеловал его болтливый рот. Их языки сплелись, пока у Вэй Усяня не закончились силы, и они оба погрузились в глубокий сон.

Посреди ночи Вэй Усянь снова почувствовал беспокойство. Будто невидимая сила разрывала его душу и тело, и он ощущал боль, как от казни тысячей порезов. Он снова свернулся в клубок, неосознанно скатившись к краю кровати.

В полусне он услышал знакомый звук циня. Мелодия «Сихуа», наполненная духовной силой, словно чудесное лекарство, проникала в его мышцы и сухожилия, измученные болью. Тело Вэй Усяня, скованное и сжатое, постепенно расслабилось, и дыхание стало ровным.

Увидев, что «Сихуа» действительно помогает, Лань Вань почувствовал облегчение. Он продолжал играть, пока черты лица человека на кровати не расслабились полностью и на них не появилось лёгкое выражение беззаботности. Только тогда он перестал играть. Исполнение «Сихуа» требовало огромных затрат духовной силы, которую можно было восполнить с помощью духовных камней, но истощение жизненной энергии сильно утомило его.

Сняв верхнюю одежду, он лёг на кровать. Вэй Усянь, почувствовав тепло рядом, протянул свои длинные руки и ноги, крепко обняв Лань Ваня. Укрыв его тонким одеялом, он спокойно уснул.

Этой ночью Вэй Усянь спал очень крепко. Проснувшись в час Мао, он всё ещё чмокал губами и пускал слюни, крепко спя. Лань Вань, закончив с делами, увидел, что уже близится полдень, и велел ученикам принести горячую воду для купания. Вытащив его из-под одеяла, Вэй Усянь в полусне схватил его руку, поцеловал несколько раз и лениво пробормотал:

— Хороший Лань Чжань, не мешай мне, дай поспать ещё немного!

Поскольку нужно было заняться делами к полудню, он не стал обращать внимания на его капризы, отнёс его к ванне, выкупал и, одев в чистую одежду, немного подумав, всё же надел на него свою чистую белую одежду с узорами облаков.

В этот момент за дверью раздался голос ученика:

— Ханьгуан-цзюнь, глава клана Цзян прибыл в зал для приёмов. Цзэу-цзюнь просит вас и старшего Вэй пройти туда!

Услышав, что Цзян Чэн прибыл в Облачные Глубины, Вэй Усянь сразу же проснулся и спросил:

— Лань Чжань, зачем пришёл Цзян Чэн?

— Не волнуйся. Пойдём вместе к нему.

— Чего мне волноваться? Просто боюсь, что его язык тебя выведет из себя!

— Ничего страшного.

Вэй Усянь, сбитый с толку, покачал головой, постучал флейтой Чэньцин по голове и подумал: «Лань Чжань и Цзян Чэн всегда смотрели друг на друга с неприязнью. Зачем ему сейчас идти к нему? И зачем Цзян Чэн приехал в Облачные Глубины? Чтобы увидеть меня?» Он быстро отмахнулся от этой нереальной мысли.

Хотя они вместе защитили Пристань Лотоса, и Цзян Чэн уже не так сильно ненавидел его, но вернуться к братским отношениям, как раньше, было невозможно. Между ними лежали шестнадцать лет ненависти, жизни дяди Цзяна, госпожи Юй и старшей сестры. Он только надеялся, что Цзян Чэн не скажет ничего слишком обидного в адрес братьев Лань.

Погружённый в мысли, выйдя из Цзинши, Вэй Усянь с удивлением заметил, что на нём одежда Лань Ваня. Перед ним стоял человек с невозмутимым выражением лица, но он всё же уловил скрытое чувство удовлетворения за этой маской.

— Лань Чжань, ты сделал это нарочно!

— Да. Тебе идёт.

Польщённый комплиментом от любимого человека, Вэй Усянь немного возгордился и перестал упрекать его за этот эгоистичный поступок.

Войдя в зал для приёмов, они увидели, что Цзян Чэн и Цзэу-цзюнь уже ждут их. Увидев его в белой одежде, Цзян Чэн фыркнул, с отвращением отвернулся и больше не смотрел на него, а Цзэу-цзюнь, глядя на своего бесстрастного брата, лишь слегка улыбнулся.

— Верховный Заклинатель, согласно вашему предложению, раз уж это союз кланов Цзян и Лань, церемония единения душ, Пристань Лотоса, конечно, приложит все усилия. Но перед этим Вэй Усянь должен сначала вернуться в Пристань Лотоса, войти в родовой храм и поклониться предкам клана Цзян?

— Церемония единения душ? Лань Чжань, ты и я?

Взгляд его упал на спокойное и холодное лицо Лань Ваня. Он всегда так тихо всё устраивал, предоставляя ему лучшее.

Лань Вань тоже посмотрел на него. Его глаза, как стекло, были полны нежной любви, и он слегка кивнул.

— Лань Чжань, нам и так хорошо. Зачем тебе всё это?

— Ты не хочешь?!

Сжав губы, свет в его глазах начал меркнуть, и Вэй Усянь почувствовал, как его сердце сжалось от боли. Но он не мог прятаться за спиной Лань Ваня. Клан Цзян уже был разрушен

из-за его своеволия, и он не мог позволить ему и клану Лань снова пострадать из-за него.

— Лань Чжань, не то чтобы я не хотел. Просто подождём, пока всё уляжется.

— Второй господин Лань, похоже, вам сначала нужно обсудить это с Вэй Усянем!

Цзян Чэн внезапно почувствовал огромное облегчение. Видимо, Лань Вань никогда не сможет законно стоять рядом с Вэй Усянем, и Вэй Усянь всегда будет принадлежать клану Юньмэн Цзян.

— Вэй Ин, кто же я для тебя?

Пристально глядя на него, его чистый взгляд был полон печали, разочарования и других сложных эмоций, что заставило Вэй Усяня отвести глаза.

<http://bllate.org/book/16226/1457730>